

НА ПУТИ К ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА. Ч. II. КАК ДОБИВАТЬСЯ КАЧЕСТВА ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ?

TOWARDS THE INFORMATION COMPETENCE OF EXPERT AND PROFESSIONAL COMMUNITY Part. II.

УДК 37:004

DOI: 10.15372/PEMW20160407

К. Н. Костюк

Издательство «Директ-Медиа», Москва, Российская
Федерация, e-mail: kkostjuk@directmedia.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка обоснования понятия экспертного и профессионального сообщества, понимаемого как социальная и информационная среда эффективной профессиональной деятельности в современном информационном обществе. Выявляются черты принципиального отличия экспертных сообществ от профессиональных групп и классов в традиционном понимании, черты их социальной идентификации, условия воспроизводства и институционализации. Центральным условием возникновения и функционирования экспертных сообществ является создание качественной информационной среды, оперативного и полноценного доступа к знаниям и информационному потоку, генерируемому внутри каждой профессии. Эти задачи решаются разработкой профессиональных контентных систем, которые в цифровой среде берут на себя функции структурирования и адаптации всей профессиональной информации. Тесная взаимосвязь профессии и ее информационного обеспечения ставит вопрос о методах улучшения качества экспертных сообществ как одного из ключевых направлений модернизации российского общества.

Ключевые слова: экспертное сообщество, профессиональное сообщество, качество образования, институты развития, цифровая революция, информационные ресурсы, электронно-библиотечные системы, информационное обеспечение науки и экономики.

Для цитаты: Костюк К. Н. На пути к информационной компетентности экспертного сообществ. Ч. II. Как добиваться качества экспертных сообществ? // Профессиональное образование в современном мире. Т. 6. 2016. № 4. С. 620–628. DOI: 10.15372/PEMW20160407.

Kostyuk, K. N.

Publisher Direct-Media, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kkostjuk@directmedia.ru

Abstract. The author attempts to ground the notion of expert and professional community that is rendered as a social and information medium of efficient professional activity in the modern information society. The paper highlights the peculiarities of essential difference between expert communities and professional groups and classes as they are traditionally reviewed; features of their social identification and conditions of their reproduction and institutionalization. The author sees the main condition of appearance and functioning of expert communities in creating a high quality information medium and efficient knowledge exchange within a particular profession. This task is solved by means of developing professional information content systems that bear all the functions of organizing and adaptation of all professional data in the digital medium. The close interconnection between a profession and its information support raises a question about the methods of expert communities' improvement as one of the ways of Russian society modernization.

Key words: expert community, professional community, quality of education, institutes of development, digital revolution, information resources, digital library systems, information support of science and economy.

For quote: Kostiuk K. N. [Towards the information competence of expert and professional community. Part. II]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = *Professional education in the modern world*, 2016, Vol. 6, no. 4. pp. 620–628 (in Russ). DOI 10.15372/PEMW20160407

Введение. Как выстраивать и растить экспертные сообщества? Как добиваться их качества? Эти вопросы должны войти в реестр вопросов государственной политики. Один из ключевых вопросов связи экспертных сообществ с профессиональными контентными системами заключается в том, что качества первых невозможно добиться без качества последних. Поэтому работа над предоставлением доступа к качественным информационным ресурсам – один из основных путей, ведущих к повышению уровня профессионалов в обществе.

Чем можно измерять качество профессионалов и что можно сказать о российском экспертном сообществе? Надо иметь в виду, что разные сферы деятельности образуют различные типы, а следовательно, различные критерии работы профессиональных сообществ. Даже в сфере академического ученого сообщества ученый-гуманитарий и ученый-естественник – это абсолютно разные типы деятельности. Общее понятие качества в отношении экспертизы обычно выражается словом компетентность. Под этим подразумевается именно полное соответствие эксперта тому, что от него ожидается. Я различаю в компетентности четыре полюса: продуктивность, информативность, коммуникативность, технологичность. В краткой экспликации этих компетенций я буду опираться на содержание деятельности наиболее близкого для меня типа ученого-гуманитария.

Результаты. *Продуктивность* – базовая характеристика творческой личности, а любой профессионал, особенно гуманитарий, – это личность творческая. Стремится ли он быть лидером, способен ли он постоянно выдавать творческий продукт, обеспечивает ли он качество этого продукта – в конечном счете, это и есть критерий профессиональности. Для ученого продукт – это его исследования и основанные на них публикации. Не случайно публикационная активность и цитируемость являются ключевыми критериями оценки деятельности ученого. В других сферах продуктивность находит иные выражения: для преподавателя это – увлеченность и успехи его учеников, у менеджеров – KPI, в которых оценивают результативность, и т.д. Лишь узкий слой профессионалов-лидеров способен выдавать продукт выше некоей средней планки. «Ремесленники» характеризуются качественным выполнением всех процедур процесса, «лодыри», или «зайцы», стремятся лишь имитировать продукт и процесс. Проблемы у общества возникают тогда, когда смещаются пропорции этих сегментов и доминировать начинают не ремесленники, а зайцы.

Проблема зайцев – очень интересный аспект теории социальных игр и порядка [1, с. 46.]. Она же – проблема паразитизма социальных институтов и коррупции. В классической экономической теории «заяц» более корректно называется «бесплатный ездок» (англ. free rider problem, нем. Trittbrettfahrer). В отношениях между игроком и судьей (инстанцией порядка) он вклинивается на правах игрока, не выполняя условий порядка (например, не осуществляя оплату участия). По сути, он получает блага (проезжает) за счет добросовестного игрока. Интернет-пираты (или пользователи услуг пиратов) – такой же пример зайца, использующего оплату добросовестных приобретателей легального контента. Биологическая модель такого поведения описывается понятием паразитизма. Паразит живет за счет ресурсов и энергии здорового тела. Он ослабляет его. Социальная модель этого же явления вытекает в феномен коррупции. Агент организации (например, чиновник) использует ресурсы организации в свою собственную пользу, паразитируя на социальном организме. Коррупция является раковой опухолью профессиональных сообществ, поскольку профессионал, как правило, всегда институционализирован, работает в некоторой государственной или негосударственной организации и оперирует ресурсами организации при исполнении своих функций. Понятно, что организм способен питать и выносить паразита лишь до определенной степени. Да и сам паразит может существовать только в работоспособном организме и кровно заинтересован в его жизнеспособности. Как только био- и социобаланс нарушается, организм или организация начинают разрушаться от истощения.

Профессионалы-паразиты определяют лицо и уровень качества профессиональных сообществ. Там, где непрофессионализм и коррупция начинают править бал, эти сообщества становятся низкопродуктивными и разрушаются. Корруптированные профессиональные сообщества в первую очередь ответственны за понижение конкурентоспособности страны и социально-экономическую отсталость [2, с. 34]. Если мы встречаем в жизнедеятельности научного сообщества повышенные показатели творческого бесплодия, плагиата, успокоительной бездеятельности, то это угроза всей стране. Согласно исследованию РГБ, проведенному в 2014 г., более 10% всех диссертаций по истории несли на себе признаки плагиата [3]. Признаки низкой дееспособности научного сообще-

ства проявляются и в иных показателях. При том что финансирование науки повышается с начала 2000-х год от года, показатели уровня цитируемости страны падают. При равных с Великобританией затратах на науку и значительном количественном превосходстве научного сообщества уровень публикаций и цитирования в России гораздо уступает первой: Если в 2008 г. в России было опубликовано ок. 29 965 статей (Web of Science), то в Великобритании 107 691. О том же самом говорят и международные университетские рейтинги. Хотя в России один из самых высоких уровней охвата населения высшим образованием в мире, лишь один российский университет входит в показатель Top-100 международных университетских рейтингов. При коррозии общественных институтов количество не переходит в качество, а напротив, замораживает развитие институтов, усложняет механизмы мобилизации и ослабляет внутреннюю структурированность, затрудняет работу вертикальных лифтов. Формальное, бюрократическое принуждение к профессионализму может дать лишь очень ограниченные, а то и прямо противоположные результаты. Так, условие наличия публикаций в журналах перед защитой диссертации вызвало в нашей стране к жизни рынок диссертационных журналов, где за плату авторов создаются журналы, которые никто не читает. Это подрывает рынок журналов и их научную ценность [4]. Введенный во многих вузах и академических институтах показатель публикаций зачастую порождает поток вымученных, информационно пустых статей, задача которых – только отчитаться. Понятно, что подлинная продуктивность профессионального сообщества может возникнуть не в результате подобных «стимулов», а на пути более комплексного подхода, в основе которого стоит высокая общественная ценность и строгие условия «входа» в это сообщество.

Вторым показателем компетентности профессионального сообщества можно считать его *информированность* и информационную обеспеченность. Выше было сказано, что информация – это сырье для любого информационного продукта. Качество информационного потребления – ключевой показатель качества профессионального сообщества. В России традиционно существует развитая система научной периодики (более 3000 журналов), с 2005 г. государство обеспечивает ведущим университетам и Академии наук доступ к мировым научно-информационным базам. Однако тем, кто посвящен в проблему, известно, насколько низкий уровень чтения как российских журналов, так и мировых ресурсов демонстрируют наши ученые. По этим же причинам практически никакой из научных российских журналов, ориентированных на внутренний рынок, не может обеспечить самокупаемость по подписке. Рынок научной периодики постепенно переключился на внешнее, грантовое финансирование, например, со стороны вузов. Чтобы сохранить читаемость и цитируемость хоть на каком-то уровне, журналы часто бесплатно открывают свой контент, подрывая тем самым рыночные опоры самокупаемости. Все это ведет к тому, что научной периодике не удастся консолидироваться и внутренне структурироваться: ни научное индексирование РИНЦ, ни система сертификации ВАК не позволяет выстроить реальной иерархии научной репутации журналов. Это просто невозможно сделать, если научный контент мало читается учеными и мало используется ими в своих работах. Известно, что в России на среднюю статью приходится 4,5 цитаты, в то время как средняя аналогичная величина в странах ОЭСР 8,1 [5]. Похожая картина проявляется на рынке научных монографий, при анализе посещаемости библиотек. Библиотеки пустеют, показатели книгообращений падают год от года. Все это – последствия глубокого кризиса научных коммуникаций, причина которого лежит в падении качества экспертных сообществ.

Чтобы проиллюстрировать данную проблему, обратимся к статистике использования Электронно-библиотечных систем в нашей стране. ЭБС – яркий представитель профессиональных контентных систем. Хотя ЭБС введены в широкое использование в университетской среде сравнительно недавно, начиная с 2011 г., тем не менее это один из ресурсов, бесплатный доступ к которому гарантирован государством каждому учащемуся и преподавателю высшего учебного заведения. Излишне говорить, что использование подобных информационных ресурсов с полноценной учебной и научной литературой – один из показателей качества и интенсивности личного образования. Игнорировать ЭБС можно только в двух случаях – или если учащийся снабжен всей необходимой литературой в бумажном виде или если он не находит здесь ничего подходящего для своего предмета. Реальный уровень использования ЭБС, согласно исследованию, проведенному журналу «Университетская книга» в 2011–2013 гг., составил в 2013 г. 92,9%, а преподавателями – 31,5%. Очевидно, что уровень использования преподавателями неоправданно низок.

Если обратиться к цифрам, которыми мы располагаем по отношению к использованию ЭБС «Университетская библиотека онлайн» (www.biblioclub.ru), то они говорят о том, что год от года статистика заметно растет. Тем не менее данные «неиспользования» ЭБС действительно удручают. В 2014 г. в ЭБС работало в среднем 59% от численности обучающихся, а регистрировалось для возможности работать из дома – 28%. Хотя очевидно, что работать с книгой из дома удобнее. При этом в 50 самых крупных вузах пользовалось ЭБС всего 29% учащихся, а регистрировалось – 13%. В 50 самых небольших вузах картина разительно отличалась: там использовали ЭБС все 100% обучающихся, хотя регистрировались лишь 53%. Троекратное различие, возможно, объясняется тем, что крупные вузы лучше оснащены альтернативными источниками учебной литературы, но также и тем, что их учебное сообщество – более размытое, неконсолидированное. Это ставит под сомнение господствующее мнение, что в крупных вузах качество образования выше. Интересен еще один показатель: количество книгообращений по отношению к количеству учащихся вуза. Опять – в некрупных вузах на каждого обучающегося приходится 1,2 используемой книги, в крупных – всего лишь 0,3 книги (т.е. 1 книгообращение на трех человек). Среднее значение – 0,6: это значит, что каждый студент за год открывает менее чем 1 книгу. Даже если брать не все количество учащихся, а только реальных пользователей, то величины меняются, но соотношения те же: на каждого пользователя ЭБС приходится 3 книги, но в некрупных это 7 книг, а в крупных – 1,9.

Если объем использования различается между категориями крупных и некрупных вузов (сообществ), то существенные различия в репертуаре использования наблюдаются в категориях лидеров и отстающих. Мы сравнили 50 вузов-лидеров по использованию ЭБС и 50 вузов-отстающих. Выяснилось, что лидеры используют 8% всех доступных книг (из ассортимента ок. 80 000 книг), отстающие – всего 0,6%. Половина (49%) всех использованных книг – это учебники, составляющие чуть более десятой части репертуара. Очевидно, что высшее образование должно держаться не на одних учебниках, а на широком профиле литературы: монографиях, периодике, документах, классической научной литературе.

Наконец, такой показатель, как среднее количество прочитанных страниц, приходящихся на книгу, тоже говорит о многом: это 32 страницы. Книги не читаются целиком, прочитывается в среднем 1/10 книги. Это как раз вписывается в динамичный, разорванный современный стиль чтения: книги читаются фрагментарно.

Если накладывать эту статистику на то, что нам следовало бы ожидать от будущих профессионалов, то разница очевидна: по всем критериям должны быть 100%. Как минимум каждый должен использовать возможности доступа к качественной учебной литературе, раз эту возможность предоставляет государство. И количество использованной литературы должно в процессе обучения составлять десятки книг. С учетом того, что ЭБС сегодня представляют основной массив русскоязычной учебной и научной литературы, тот факт, что ни общедоступные научные библиотеки, ни институты РАН, как правило, не имеют и не ищут доступа к этому информационному ресурсу, говорит о соответствующем качестве информационного обеспечения российского научного сообщества: разумеется, в тех сферах, где русскоязычная литература все еще остается важным носителем научного знания.

Научное и университетское сообщество – это наиболее информационно обеспеченное среди иных профессиональных сообществ. Хотя повышенные требования к информированности предъявляются сегодня ко всем профессиональным сообществам, лишь в некоторых сегментах информационной экономики возникли специализированные профессиональные контентные системы, подобно ЭБС. При этом все традиционные печатные виды донесения информации испытывают сложности и сжимаются: книги, газеты, периодика.

Информативность сегодня недостаточна для эффективной работы профессионалов: необходима интенсивная *профессиональная коммуникация*. Цифровые медиа создали множество новых удобных каналов такой целенаправленной коммуникации, в том числе социальные сети, блоги, рассылки, электронная почта, коммуникаторы. Сохраняется традиционная профессиональная коммуникация в виде конференций, форм обмена опытом, повышения квалификации. Следует ли в цифровую эпоху ожидать возникновения нового качества коммуникативной связанности профессиональных сообществ? На наш взгляд, она уже возникла. Новая коммуникативная связанность на макроуровне привела к глобализации экономики, к возникновению комплексных межстрановых

производственных цепочек, к повышению производительности труда и скорости рабочих процессов. На микроуровне это не столь очевидно. Но относительно качества экспертных сообществ ясно, что, если они не обеспечивают плотную внутреннюю коммуникацию профессионалов, они обречены на поражение. Если в стране преобладают огромные симпозиумы, иерархические структуры, длинные бюрократические цепочки принятия решений, но есть недостаток в рабочих группах, локальных семинарах, формах оперативной согласительной работы и обмена мнений, у этой страны конкурентоспособность низка. В академическом сообществе такая проблема есть. Переизбыток информации не оставил эту область без последствий. Чтобы пробиваться сквозь информационный шум, повышать репутацию и признание, получать гранты, ученый должен вести полноценную маркетинговую деятельность, используя все виды коммуникаций. Интересных публикаций недостаточно: ученый должен встречаться с коллегами, давать о себе знать через СМИ, продвигать себя во всех сферах публичности. Узкий специалист-ученый должен формировать и активно участвовать в тематических группах, научных школах, где каждый знает всех основных специалистов своей области, оперативно получает новости друг от друга, целевым образом доносит собственные публикации до тех, кому они могут быть интересны. Если он не проявляет коммуникационной активности, он быстро выпадает из поля внимания, какие бы за этим ни стояли научные достижения. Именно для таких задач существуют социальные сети, но очевидно, что их недостаточно: универсальные сети слишком глобальны для такой коммуникации, узкие сообщества и форумы слишком локальны для того, чтобы эффективно привлекать новичков и смежников. Вывод: каждый специалист сам должен создавать вокруг себя сеть посредством использования разных коммуникационных сетей. И разумеется, коммуникационные сети должны переплетаться с информационными (контентными) сетями: ученые общаются не словами, а научными сообщениями. Информационные сети тоже должны быть адаптированы к конечным, целевым тематическим сегментам.

Дефицит в этом аспекте в России есть. Деятельность экспертных сообществ созвучна деятельности НКО и иным формам гражданской активности населения, которые не очень высоко развиты в нашей стране. Но дефицит здесь не только количественный. Экспертные сообщества должны охватывать и вовлекать каждого профессионала. Они должны быть сами по себе структурированы, пересечены множеством организационных форм, профессиональных ассоциаций. Коммуникативное качество экспертных сообществ непосредственно связано с интегрированностью с международным профессиональным сообществом. Высоким качеством профессиональной коммуникации характеризуется не только европейское и американское общество, общество развитых стран, но и культура Юго-Восточных стран Азии. Для корейского общества, к примеру, характерны очень плотная взаимозависимость трудовых коллективов на профессиональном, эмоциональном и бытовом уровне. Это именно то, что отмечал М. Кастельс, говоря о конфуцианских обществах как конгениальных сетевому обществу: их жизнедеятельность изначально организована сетевым образом [6, с. 98]. Несмотря на то что Россия имеет за спиной опыт коллективистски-коммунистической культуры, солидарные структуры в этой культуре держатся только силовыми напряжениями власти; без подобных силовых линий они распадаются и выхолащиваются в формальных структурах [7, с. 5–6]. Повышенная анонимизация и индивидуализация в поведении – болезненная реакция на перегибы советской солидаристской культуры.

К социально генерируемым качествам профессиональной коммуникации относится также такое ее свойство, как рациональность. Профессиональные сообщества – высокорационализированные общности, коммуникация в которых базируется не на эмоционально и культурно насыщенной коммуникации жизненного мира, а на высокоспециализированных знаниях и институционализированных потребностях. Представители традиционного общества не в силах ни воспринимать, ни переваривать подобной интеллектуальной информации, лишь долгая подготовка и воспитание создают человека, ориентированного на абстрактное мышление и производственный интерес [8, с. 90]. Интеллектуальные навыки тяжело даются и индустриальным обществам, даже самим профессиональным сообществам, являющимся преимущественным носителем рационализированного интеллекта. В современном обществе эти навыки аккуратно вкрапляются в структуры жизненного мира рядом с хобби, бытом, традицией, эмоциональной жизнью. Однако же степень рационализации коммуникации внутри профессионального сообщества является решающим показателем его

уровня и, взятые в локальном или национальном сопоставлении, эти различия велики. Именно поэтому наукоемкие, высокотехнологичные индустрии локализируются лишь в некоторых странах и даже некоторых областях, таких как Силиконовая долина в Калифорнии, или иных, как правило, урбанизированных регионах.

И еще один критерий компетентности, тесно связанный с коммуникативностью: *технологичность*. Новые коммуникации требуют высокой компьютерной и информационной компетентности, не ограничивающейся электронной почтой и Интернетом. Возникают специализированные программы и сервисы, реализующие новые информационные и коммуникационные возможности. Чтобы обращать на себя внимание, ученому необходимо присутствовать на разных площадках. Творческий научный продукт зачастую требует умения обработки данных, навыков редактора и дизайнера. Кроме всего прочего, это должно быть интересно: чтобы легко находить язык с молодыми коллегами, чтобы не упускать открывающихся возможностей. Практика показывает, что в образовании и науке конфликт поколений отражается именно в этой сфере: старшее поколение, поколение преподавателей заметно уступает своим ученикам. Цифровой разрыв – реальность технологий профессиональной сферы: в то время как молодежь привыкла жить и работать в наиболее продвинутом технологическом пространстве (лидерство в нем определяют видеоигры), их учителя еле справляются с простейшими сервисами, но именно на этот уровень вынуждены ориентироваться IT-разработчики. Пример ЭБС демонстрирует эту тенденцию: согласно опросу [9, с. 49] лишь треть преподавателей обращается к ЭБС, считая все это слишком сложным для себя. В то время как именно они должны стимулировать и учить работе в профессиональных контентных системах. Проблема существует, и разрешена она будет тогда, когда в университетах профессорами начнут становиться те, кто строил интернет-экономику: поколение Z [10, с. 34].

К чисто квалификационным критериям профессиональных сообществ, конечно, следует присовокупить их финансовое и ресурсное обеспечение, важной частью которого является общий уровень благосостояния в стране. Если специалисты не относятся к обеспеченному среднему классу, а в нашей стране это скорее правило, чем исключение, то ни высокой технологической обеспеченности, ни информационной образованности ждать неоткуда. Это не приходящее, а сущностное свойство: за каждым экспертным сообществом стоит реальный сектор экономики, который оно обслуживает. И если этой связи нет, то жизнеспособности экспертных сообществ ждать не приходится. Достаточно сказать, что лишь 20% публичных библиотек в России имеет доступ в Интернет [11, с. 46–52]. В целом проникновение интернет-доступа в России ниже, чем в странах Европы. Приобретение техники, специальной литературы и иных необходимых средств лежит за пределами финансовых возможностей рядовых специалистов. Недалеко от них ушли организации: лишь узкий сегмент крупных корпораций и ведущих вузов страны обеспечивают себя по последнему слову ресурсного обеспечения. Имущественная слабость социального слоя специалистов и ученых является причиной слабости розничного рынка научной литературы. Если средняя стоимость книги в России составляет около 500 руб., а в Европе – около 7000 руб. (=100 Евро), то тяжелое состояние, из которого перманентно не могут выбраться издатели научной литературы, является неизбежным.

Выдвинутые критерии эффективности профессиональных сообществ – продуктивность, информативность, коммуникативность, технологичность – можно спроецировать на рядового эксперта-профессионала. Чтобы не утонуть в бурлящих информационных потоках, каждый профессионал должен отвечать нескольким амплуа: быть одновременно интересным автором, активным читателем, интенсивным коммуникатором, технологичным пользователем. Это образ современного успешного эксперта-профессионала, который, наверное, не изменился радикально по отношению к доцифровому поколению, но очевидным образом переставил акценты. Ключевым становится не столько публицистическая, сколько коммуникативная активность. Важно не только написать, но и продвинуть свою публикацию, себя как автора.

Выводы. Подводя итоги, следует заметить, что проблема качества профессиональных сообществ уходит корнями в теорию модернизации, социально-культурных предпосылок развития. С ней вплотную сталкиваются все развивающиеся общества и страны догоняющего развития. Отсутствие естественной исторической эволюции, являющейся преимуществом развитых обществ, вынуждает страны догоняющей модернизации использовать компенсирующие механизмы

институционального ускорения, в частности, государственно-бюрократические стимулы. Но подобные методы лишь усиливают коррупционные наслоения, являющиеся бичом для этих стран. Не всегда способствуют укреплению профессионализма социально-культурные факторы, например, слабость трудовой этики. Известны заслуги в этом аспекте протестантской или конфуцианской этики. Православная этика не замечена в том, чтобы реально способствовать модернизации [12]. Играют роль выпестованные навыки устоявшихся индустриальных наций, которые уже в течение многих поколений освоили культуру урбанизированной, высокорационализированной жизни. Поэтому так слаженно работают немецкие, голландские, североевропейские профессиональные сообщества во многих сферах деятельности. Роль играют тончайшие культурные нюансы, такие как разделение труда и досуга, изменившиеся правила брачных и гендерных отношений, сформировавшиеся интеллектуальные и даже психо-физиологические навыки.

Качество профессиональных сообществ обнаруживается на макроуровне, в прямых конкурентных и конфликтных ситуациях: например, в эффективности генералитета в управлении ресурсами в ситуации войны (=величина потерь), в эффективности политических элит в процессе стабилизации и достижения социального консенсуса в обществе, эффективности бизнес-элит в экономической межстрановой конкуренции и т.д. Низкая производительность труда России в межстрановом сопоставлении говорит о многом. Даже такой показатель, как поведение на дорогах и количество ДТП в национальном масштабе, демонстрирует уровень качества профессиональных сообществ, если водителей и порядок на дорогах воспринимать как крупнейшую квази-профессиональную среду. В России происходит 6,6 аварий на 10000 автомобилей. В Великобритании 0,55 [13; 14, с. 26]. Причины такого катастрофического отставания те же, что и в профессиональных сегментах: низкая нормативная культура, слабая требовательность к себе, неразвитый уровень институционализации социальной жизни.

Многие из задач становления профессиональных сообществ в России в историческом плане давно решены. Процессы модернизации осуществляются более трех столетий, создана индустриальная экономика, существует профессиональная армия чиновников и специалистов, передовая наука. В целом ряде направлений Россия и сегодня является неоспоримым лидером, например, в космонавтике, ядерной энергетике, вооружениях и многом другом. Выдающиеся ученые, полководцы, государственные деятели добиваются своих достижений не в пустом пространстве, а вместе и благодаря своему профессиональному окружению. Любые национальные успехи, например, в спорте или искусстве, являются выражением эффективности и качества профессиональных сообществ: институционального устройства отбора, выращивания кадров, работы рынков, социального лифтинга. И напротив, отставание в какой-либо отрасли указывает на слабость профессиональных сообществ. Как правило, за этим лежат институциональные болезни, касающиеся состояния всего социального тела. Вовремя обратить на это внимание и заняться лечением – задача элит, ответственных за эффективное развитие страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хоманн К., Бломе-Дрез Ф.** Экономическая этика и этика предпринимательства. М., 2013.
2. **Игошин И. Н.** Институциональные искажения. М., 2013.
3. **Форись О.** Исторические заимствования. Исследователи доказали: прозрачность повышает качество научных работ // Частный корреспондент, 19.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/istoricheskie_zaimstvovaniya_33399 (дата обращения: 15.02.2016).
4. **Еременко Г.** Во всем виноват РИНЦ? // Троицкий вариант, № 163, 23.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://trv-science.ru/2014/09/23/vo-vsem-vinovat-rints> (дата обращения: 29.04.2016).
5. **Разумова И.** Публикационная активность в основных областях научного знания. Ориентиры развития российской науки и меры по их достижению // Доклад на XVII международной конференции «SCIENCE ONLINE: электронные информационные ресурсы для науки и образования». 24–31.05.2013 г., Италия, о. Сицилия.
6. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
7. **Вишневский А.** Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
8. **Касьянова К.** О русском национальном характере. М., 1994.
9. **Каплин Р.** ЭБС в библиотеках: ни шагу вперед без контента // Университетская книга. М., 2014. № 11.

10. **Tapscott D.** Grown up digital. How the net generation is changing your world. NY, 2009.
11. **Фирсов В. Р.** Общедоступные ресурсы: государственные инициативы и практические решения // Университетская книга. 2012. № 5. С. 46–52. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unkniga.ru/ostraya-tema/455-obshedostupnie-resursy.html> (дата обращения: 08.08.2015).
12. **Зарубина Н. Н.** Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.
13. **Блинкин М. Я., Сарычев А. В.** Качество институтов и транспортные риски. М., 2008.
14. **Горбунов А. В.** Книжный рынок России, Украины и Беларуси сегодня // Университетская книга. 2015. № 5.

REFERENCES

1. **Avdulov A. N., Kulkin A. M.** [Scientific activity in Russia on the eve of the collapse of the USSR]. *Filosofskie issledovaniya = Philosophical research*, 1993, no. 4. (in Russ.)
2. **Mendiukovich N.** [Russian science before and after 1991]. *Zolotoy Lev = Golden Leo*, 2007, no. 125–126, 2007 (in Russ.)
3. **Karpov E.** *Statisticheskoe issledovanie patentnoy aktivnosti v Rossi i stranah mira. Diss. kand. ekon. nauk* [Statistical research of patent activity in Russia and abroad. Cand.econ.sci.thesis]. Moscow, 2014.
4. **Knizhnyy rynek Rossii. Otrasleyoy doklad. Federalnoe agentstvo po pečati i massovym kommunikatsiyam** [Russian book market. Industrial report. Federal Agency for Press and Mass Communications]. Moscow, 2015.
5. **Gorbunov A. V.** [The book market of Russia, Ukraine and Belarus today]. *Universitetskaya kniga = University book*, 2015, no. 5. (in Russ.)
6. **Arkhipova M. Iu.** *Issledovanie mirovoy patentnoy aktivnosti* [Investigation of world patent activity]. *IV Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy forum "Innovatsionnoe razvitie rossiyskoy ekonomiki"* [Proceedings of IV Intern. sci.forum "Innovative development of Russian economy"]. Moscow, 2011.
7. **Indikatory nauki: 2014: statisticheskiy sbornik** [Indicators of Science: 2014: statistical papers]. Moscow, 2014.
8. **Burnham J.** The Managerial Revolution. What is happening in the world. N.Y., 1941.
9. **Galbraith J.** *Novoe industrialnoe obshchestvo* [The new industrial society]. Moscow, 2004.
10. **Bell D.** *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, 1999.
11. **Ashkerov A.** *Ekspertokratiya. Upravlenie znaniyami: proizvodstvo i obrashchenie informatsii v epohu ultrakapitalizma* [Expertocracy. Knowledge management: the production and circulation of information in the era of ultracapitalism]. Moscow, 2009.
12. **Towards Knowledge Societies**, UNESCO World. Report, Paris: UNESCO Publishing, 2005.
13. **Kostiuk K. N.** [How the professional content-based system works]. *Nauchnaya periodika = Scientific periodicals*, 2015, Vol. 5, no.2 (in Russ.)
14. **Castells M.** *Galaktika Internet. Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Internet Galaxy. Consideration of Internet, business and society]. Ekaterinburg, 2004.
15. **Hohmann K., Blome-Drez F.** *Ekonomicheskaya etika i ehtika predprinimatelstva* [Economic Ethics and Business Ethics]. Moscow, 2013.
16. **Igoshin I.** *Institutsionalnye iskazheniya* [Institutional distortion]. Moscow, 2013.
17. **Foris O.** Historical borrowing. Researchers have proved that transparency improves the quality of scientific papers. Chastnyy correspondent = Private journalist, January 19, 2015. Available at: http://www.chaskor.ru/article/istoricheskie_zaimstvovaniya_33399. (accessed _____)
18. **Eremenko G.** [Blaming RISC?]. *Troitsky Variant = Troitsk variant*, September 29, 2014. Available at: <http://trv-science.ru/2014/09/23/vo-vsem-vinovat-rints>.
19. **Razumova I.** *Publikatsionnaya aktivnost v osnovnykh oblastyakh nauchnogo znaniya. Orientiry razvitiya rossiyskoy nauki i mery po ih dostizheniyu.* [Publication activity in key areas of scientific knowledge. Landmarks of Russian science and the measures to achieve them]. *Doklad na XVII mezhdunarodnoy konferentsii "SCIENCE ONLINE": elektronnyye informatsionnye resursy dlya nauki i obrazovaniya* [Report of XVII International Conference "SCIENCE ONLINE: electronic information resources for science and education"]. 2013, Italy.
20. **Castells M.** *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The information age: economy, society and culture. Moscow, 2000.
21. **Vishnevsky A.** *Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Hammer and ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, 1998.
22. **Kasyanova K.** *O russkom natsionalnom kharaktere* [About Russian national character]. Moscow 1994.
23. **Kaplin R.** [ELS in libraries: a step forward without content]. *Universitetskaya kniga = University book*, 2014, no. 11.
24. **Tapscott D.** Grown up digital. How the net generation is changing your world. NY, 2009.

25. **Firsov F. R.** [Public resources: government initiatives and practical solutions] *Universitetskaya kniga = University book*, 2012, no.5. pp. 46–52. Available at: <http://www.unkniga.ru/ostraya-tema/455-obshedostupnie-resursy.html>.

26. **Zarubina N. N.** *Sotsialno-kulturnye osnovy hozyaystva i predprinimatelstva* [Socio-cultural foundations of economy and business]. Moscow, 1998.

27. **Blinkin M. Ia., Sarychev A. V.** *Kachestvo institutov i transportnye riski* [Quality institutions and transportation risks]. Moscow, 2008.

28. **McLuhan M.** *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy. Development of typing person]. Moscow, 2013.

Информация об авторе

Костюк Константин Николаевич – кандидат политических наук, генеральный директор издательства «Директ-Медиа» (117342, Москва, ул. Обручева, д. 34/63, стр. 1, e-mail: kkostjuk@directmedia.ru).

Принята редакцией: 15.06.2016

Information about the author

Konstantin N. Kostjuk – Candidate of Political Sc., Chief Officer of Publishing House Direct-Media (34/63 Obrucheva Str., Building 1, 117342 Moscow, e-mail: kkostjuk@directmedia.ru).

Received 15 June 2016